

УДК 355(091)

ВОЕННОПЛЕННЫЕ И СПЕТЫЕ ИМИ ПЕСНИ В ЛАГЕРЯХ АВСТРО-ВЕНГРИИ В 1916–1917 ГОДАХ (В СВЯЗИ С ТРАГИЧЕСКОЙ ДАТОЙ – СТОЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНОЙ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

*Мурадгелди Соегов, академик Академии наук Туркменистана,
профессор, доктор филологических наук (Ашхабад/Туркменистан)*

Введение или некоторые сведения о военнопленных

«Закаспийская туземная газета», выходявшая на туркменском языке в 1914–1917 гг. в Ашхабаде, административном центре одноименной области Туркестанского края Российской империи, в своем номере, изданном 20 января 1915 г., поместила информацию, что 13 января 1915 г. в город Ашхабад поездом привезли австрийских военнопленных в количестве 2 тыс. человек, в результате чего на станции стало очень многолюдно. Ибо на станции их ожидало немало горожан, которые пришли посмотреть на них. Военнопленных разместили в солдатских казармах города. По сообщению той же газеты, на следующий день, т.е. в 9 часов утра 14 января 1915 г., на станцию Ашхабад со стороны Ташкента прибыл другой эшелон с военнопленными численностью еще 2 тыс. человек. Из-за нехватки мест в казармах Ашхабада всех их отправили на том же поезде в город Шахгадам (т.е. Красноводск, город-порт на туркменском берегу Каспийского моря, ныне Туркменбаши). Эта газета от 17 февраля 1915 г. также оповестила своих читателей, что всего в Туркестанский край придут 30 тыс. военнопленных, но их будут размещать

теперь не в городах, а в сельской местности. Из работ современных ученых узнаем, что уже к лету и осени 1918 г. в Туркестане находились примерно 35 тыс. военных и гражданских пленных.

Из существующей литературы, немалая часть которой содержится в соответствующих сайтах Интернета, явствует, что за весь период Первой мировой войны около 3 млн. солдат и офицеров противника были захвачены в плен русской армией. В то же время половину потерь России в войне составили пленные (более 2,4 млн. человек). Небезынтересно будет узнать, что в плен в период Первой мировой войны попало около 70 русских генералов (встречается также цифра – 73). Совершил побег из плена лишь один из них – начальник 48-й дивизии генерал Л.Г. Корнилов (1870–1918), причем с третьей попытки¹. Плененными стали не только сами русские, но и представители других национальностей, в том числе тюркских народов, населявших тогдашнюю Россию. Среди них были и рядовые кавалеристы-туркмены, которые храбро сражались в составе Туркменского конного полка на полях сражений Первой мировой войны.

Перед тем как перейти к рассказу непосредственно о туркменских воинах-кавалеристах, хотим указать на

то, что охрана австро-венгерских и германских военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги состояла из черкесов, ингушей, других выходцев с Северного Кавказа. В августе 1916 г. она составляла 942 горца, т.е. на каждого стражника приходилось более 40 пленных, которые из-за малочисленности не смогли противостоять постоянным побегам последних. Поэтому было принято решение довести численность стражи до 2000 человек: примерно по одному охраннику на 20 пленных. С этой целью предусматривалось использовать туркмен из расчета 1 охранник на 10 пленных. Однако управление строительства Мурманской железной дороги отказалось от этого предложения, справедливо полагая, что туркмены «совершенно непригодны к перенесению климатических условий Севера»². По нашему мнению, данная военная стража из туркмен численностью более тысячи человек не была связана непосредственно с Туркменистаном (Закаспийской областью) и, очевидно, она состояла из туркмен Ставрополя (Северного Кавказа).

Туркмены-кавалеристы и их командиры

Туркменский добровольческий кавалерийский полк, переименованный 31 марта 1916 г. в Текинский конный полк (так как в нем служили в основном туркмены из племени теке), отличился своими боевыми действиями на Австрийском фронте. Кроме данного полка отдельные офицеры-туркмены командовали подразделениями российской армии на Кавказском театре войны. Одному из них посвящена небольшая статья под названием «Вспоминая старшего офицера, ставшего героем», которая была помещена в первом номере «Закаспийской туземной газеты» от 14 декабря 1914 г. В

ней рассказывается о подвигах офицера Чары Амангелди оглы, уроженца села Ата Серахского приставства Тедженского уезда Закаспийской области, в последующем выпускника Киевского военного училища, который пал смертью героя 29 октября 1914 г. на Кавказском фронте.

Другим туркменским офицером старшего ранга, который командовал 1-й Казанской стрелковой дружиной, участвовавшей в боевых действиях на Кавказе, был подполковник Николай Николаевич Хан Иомудский (Карашхан оглы Иомудский, 1868–1928)³. Как видим из статьи Т. Латыпова, казанские газеты того периода напечатали его благодарственное письмо от 17 мая 1916 г., в котором, в частности, говорилось: «Мы счастливы, что дорогая родина нашей дружины – Казань – не забывает нас... Нам, оторванным от своих домов и сражающимся за честь и величие России, конечно, весьма дорого иметь общение с родиной в лице дорогой нам Казани и чувствовать здесь, на чужбине, ее любовь и заботы о нас. Низко кланяемся дорогой земле Казанской»⁴.

Как пишет С. Исхаков (Институт российской истории РАН) в своей статье «Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы», ссылаясь на воспоминания туркменского белоэмигранта Резак-бека Хаджиева, в добровольческий Текинский конный полк туркмены пошли служить по призыву представителей своей элиты: «Россия в опасности, нам надо идти и бороться в рядах русской армии». Однако предложение набрать 40-тысячную армию из числа хивинских (даشوгузских) туркмен не было принято русскими военными. В итоге на средства туркменского населения Закаспийской области был сформирован один лишь Текинский конный полк. Его боевые успехи сразу привлекли вни-

мание. Журналист «Петроградского курьера» писал: «В бою под Сольдау, на германской земле, впервые видел новые конные части нашей армии из туркмен... Их появление всюду производит фурор и обращает всеобщее внимание». Полк не раз спасал положение на русско-германском фронте. В «Русском слове» известным военным корреспондентом Василием Ивановичем Немировичем-Данченко были описаны бои под Лодзью: «Налет их на большие силы оторопевших немцев невозможно описать... Один из офицеров германского генерального штаба говорил: «Кто же мог думать, что у русских есть «дьяволы», совершающие то, что должно быть вне пределов человеческих сил? Разве можно предвидеть подвиги, граничащие с безумием. Они не поддаются здравому расчету». 28 мая 1916 г. Текинский полк наголову разбил австрийские части, в разы их превосходящие: туркмены уложили около 2000 человек, взяли в плен более 3000 человек. Всего за несколько месяцев в полку появились 67 георгиевских кавалеров, не считая награжденных другими военными наградами⁵ (в скобках также отметим, что поименный список 67 награжденных воинов-туркмен с указанием сел, откуда они были родом, на страницах издаваемых Международным туркменско-турецким университетом сборников был обнаружен нами дважды: в 1999 г. на туркменском и в 2011 г. на русском языках)⁶. А ведь было время, когда после тяжелых боев из-за понесенных многочисленных потерь численность полка насчитывала всего 400 всадников-туркмен.

Из числа командиров Текинского полка вышли знатные туркмены. Один из его командиров Ораз Хан (? – 1929, Белград), в последующем белоэмигрант, будучи сыном Дыкма (Тыкма) Сердара – организатора и ко-

мандира героической обороны Гёкдепинской крепости (Геок-тепе) в 1879 и 1881 гг., славился среди простого народа как «полковник Ораз Сердар», хотя в 1918 г. впервые среди туркмен ему было присвоено высокое военное звание генерал-майора. Он 19 ноября 1918 г. в Байрамалы (где раньше находилось имение русского царя Николая II) встретил английского генерала сэра Уилфреда Маллесона (Major-General Sir Wilfred Malleon, 1866–1946) и от имени эмира-монарха вручил ему орден Бухарского государства⁷.

До своей эмиграции за рубеж Ораз Хан (Сердар) возглавил первое национальное Туркменское (мусульманское) правительство, созданное осенью 1918 г. в Бюзмейине (Безмеин, ныне Абадан) и просуществовавшее всего три месяца. Еще в 1922 г. тогдашний молодой литератор из Бюзмейина, а в будущем известный туркменский писатель-романист Ата Говшудов (Каушудов, 1903–1953), создал пьесу под названием «Ораз Сердар» (другое название «Закаспийский фронт»), которая ставилась на сценах вновь открываемых туркменских театров.

В том же 1918 г. другой бывший командир подразделения Текинского полка Сейитмырат (Сеид Мурад) Овезбаев (1889–1937) был заочно утвержден в должности военного министра правительства «Кокандской автономии», возглавляемого Мустафой Чокаевым (Шокай улы, 1890–1941). В последующем С. Овезбаев стал одним из многочисленных жертв «большого террора» 1937–1938 гг.⁸

Выпускник Московского кадетского корпуса и Тверского кавалерийского училища, один из командиров Текинского конного полка, Резак-бек (Бегназар) Хаджиев (1895–1966) с лета 1917 г. был начальником охраны уже упомянутого выше генерала Л.Г. Корнилова. Генерал дал своему адъютанту Хаджиеву прозвище

«Хан». Благоговей перед памятью генерала, он принял имя «Хан Хаджиев» и, находясь в эмиграции в Мексике, так подписал свои произведения-мемуары: роман «Великий Бояр», повесть «Атчапар» и многочисленные статьи⁹.

Работа, проведенная музыковедами среди военнопленных

Возвращаясь к начатому в начале статьи рассказу о военнопленных, отметим, что на страницах «Закаспийской туземной газеты» наряду со списком награжденных воинов-туркмен (10 февраля 1915 г.) в номере от 23 января 1915 г. были напечатаны имена 20 раненых и пропавших без вести воинов с указанием сел, откуда они ушли на фронт и где раньше проживали. Из них 11 человек являются без вести пропавшими. Вот их имена: 1. Ата Сары оглы из села Гёкдепе (Геок-тепе); 2. Дурды Аннагылыч оглы из села Гёкдже (Гокче); 3. Нурмырат Илмырат оглы из села Бахарден (ныне Бахарлы); 4. Бердимырат Овез оглы из села Мюрче (Мурча); 5. Гуртав Овез оглы из села Гыпджак (Кипчак); 6. Аннамаммет Пащы оглы из села Янгыгала (Янкала); 7. Байрамдурды Халлыгурбан оглы из села Анев (Анау); 8. Аннанепес Шыхшах оглы из села Гыпджак (Кипчак); 9. Суханберди Худайберди оглы из села Бюзмейин (Безмеин); 10. Гурбангелди Менгли оглы из села Горджав; 11. Сёйюн оглы из села Горджав. В период Первой мировой войны наблюдались многочисленные случаи, когда попавших в плен солдат считали без вести пропавшими.

Австрийский музыковед, поэт и композитор Роберт Лах (Robert Lach, 1874–1958) записал туркменские песни на фонографические пластинки в 1916 г. из уст Реджепа Сары (Redscheb Tsari) – одного из военнопленных-

туркмен, которые содержались в лагере Австро-Венгерской монархии, расположенном недалеко от чешского города Егер (ныне Хеб). Реджеп Сары был уроженцем Марыйского уезда (старый Мерв), до войны батрачил, ему было 27 лет от роду¹⁰.

В этом лагере для военнопленных кроме туркмен находились казанские, западносибирские и крымские татары, мишари, башкиры, кумыки, ногайцы и киргизы (казахи) и представители некоторых других народов России, в исполнении которых Роберт Лах в 1916–1917 гг. производил граммофонную запись их национальных песен¹¹. Музыковед кроме своих докладов об этой работе в Венском фонограммархиве, публиковавшихся в трудах Академии наук в Вене (1917–1918 гг.), выпустил серию сборников под названием «Gesänge russischer Kriegsgefangener» («Песни русских военнопленных»), I–III. Wien–Leipzig, 1926–1952. Во втором его выпуске, изданном в 1930 г., содержатся ноты и тексты 79 крымско-татарских народных песен, которые по просьбе Р. Лаха были в свое время исполнены четырьмя военнопленными: Мустафа Сулейман (30 лет, бывший торговец) исполнял 34 песни (1–34), Кабуллах Бикдаш (25 лет, садовник) – 5 песен (35–39), Абдуллах Армет (26 лет, садовник) – 8 песен и Усейн Асан (31 год, садовник-виноградарь) – 31 песню (48–79)¹².

Будучи профессором Венского университета (1920–1939) и Венской академии музыки (1924–1945), Роберт Лах в 1952 г. совместно с Гербертом Янским издал в Вене итоговый сборник с нотными записями и текстами песен, который называется «Volksgesänge von Völkern Russlands, II. Turktatarische Völker. Kasantatarische, mischärische, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, turkmenische, kirgisische und

tscherkessisch-tatarische Gesänge» (объем 207 стр.). В этой книге, как и в предыдущих выпусках сборника, тексты песен на арабской графике транскрибировал латинскими буквами и перевел на немецкий язык Герберт Янский (Herbert Jansky, 1898–1981) – австрийский тюрколог, автор многочисленных работ по истории ислама и тюркологии. Во многом благодаря его целенаправленной работе были опубликованы эти образцы песенного фольклора тюркских народов. Наряду с немецкими переводами Г. Янский снабдил эти стихи необходимыми пояснениями и комментарием, предназначенными немецкому читателю.

В последней из упомянутых выше двух книг, по нашим расчетам, сохранились нотные записи и тексты 180 татарских песен в исполнении троих военнопленных-татар, которые были родом из разных регионов России: Нигматуллах, казанский татарин, 26 лет от роду, бывший батрак, уроженец Уфимской губернии (62 песни); Абдулганим, мишарский татарин из Симбирской губернии, 25 лет от роду, бывший батрак (94 песни); Латиф Хайбуллин, ему было 41 год, он родом из Западной Сибири, бывший торговец, родился и до войны жил в Семипалатинске (14 песен)¹³. Простое сравнение показывает, что количество песен гораздо больше, чем их слова, так как часто одни и те же стихи использовались в исполнении двух или более песен. Кроме того, по нашему убеждению, большое количество песен военнопленных не является таковым в научном понимании этого термина, о чем свидетельствует исполнение одним человеком 34, 62 и даже 94 песен. Многие из них, очевидно, были отдельными напевами, простыми песенными мотивами. Поэтому нотные записи этих мелодий получились очень краткими. С другой стороны, можно предположить,

что эти исполнители имели неплохие личные вокальные данные и пели не только ранее известные им песни, но и те, которые по просьбе Р. Лаха они впервые научились у других военнопленных-однолагерников.

Наряду с песнями, записанными Робертом Лахом, есть сведение о собрании фонограмм народных песен, записанных среди военнопленных Первой мировой войны (в основном в Вюнсдорфе) под руководством профессора Высшей музыкальной школы Берлина Г. Шюнемана. В данном собрании, например, имеются записи 61 татарской, 11 чувашских и 4 башкирских песен. В сборник было включено немало других народных песен в исполнении военнопленных – представителей других, нетюркских народов¹⁴. По нашему мнению, меньшее число туркменских песен в сравнении с песнями других народов, например, татарскими, говорит, хотя и косвенно, о том, что сами плененные туркмены, скорее всего, были малочисленными среди военнопленных других национальностей.

Перед тем, как перейти непосредственно к анализу туркменских песен, хотим отметить, что с гуманитарными вопросами, связанными с военнопленными из России, в том числе мусульманами-тюрками, занимались не только австро-венгерские и немецкие ученые (Р. Лох, И. Кунош, Г. Шюнеман и др.), а также международные организации по милосердию (Красный крест, Красный полумесяц и др.), но и некоторые представители передовой интеллигенции Османской (Османской) империи. Например, специальная делегация, в состав которой вошли Халим Сабит Шибай (татарин родом из Казани), Тунуслу Шейх Салих, Абдуллах Ибрагим, Агаоглу Ахмед и некоторые другие лица, побывала в Берлине, для того, чтобы узнать о состоянии мусуль-

ман, попавших в немецкий (можно предположить, и австро-венгерский) плен¹⁵.

Четыре куплета из шести песен, спетых Реджепом Сары

Ниже приводятся тексты туркменских народных песен, записанных в исполнении упомянутого выше военнопленного-туркмена Реджепа Сары. В текстовую часть сборника 1952 г. включен один куплет якобы из каждой песни. И в действительности в нашем распоряжении имеются всего 4 куплета, каждый из которых также состоит из 4 строк (итого 16 строк). Несмотря на это, в нотной записи приводятся не четыре, а шесть образцов (первый из них даже в 2 вариантах) туркменского песенного фольклора, ибо одни и те же куплеты вокалист

Р. Лаха Реджеп Сары смог спеть под разные музыки. Это говорит о его неплохих знаниях в области национального песенного творчества. Но жаль, что в книге, как и в предыдущих выпусках данной серии, не приводятся названия песен, они просто пронумерованы по порядку изложения¹⁶.

Приводимые ниже четыре строфы из шести туркменских песен мы перевели с арабской графики (с использованием уже имеющейся в книге транскрипции на латинице) не на современный, ныне действующий алфавит туркменского языка, а с целью создания в будущем русскоязычному читателю удобств в использовании оригинала решили передать их прежним туркменским алфавитом на кириллице, снабдив его подстрочными переводами на русский язык (*выделены курсивом*):

Куплет из песен под №№ 1а, 1б и 5 (184)

Карарым ёк, Ай жемалың гөрмесем,
Нет у меня покоя (досл. решительности, определенности), пока не увижу твое лицо, подобное Луне,
 Дуарарым ёк, дүнийэ малын бермесем,
Не будет у меня терпения (досл. остановки), пока не подарю (досл. не дам) тебе богатства этого мира,
 Сениң билен бәш гүн дөвран сүрмесем,
Пока не буду наслаждаться тобою в течение пяти дней (т.е. быстротечной жизни),
 Мениң яныма гел сен, Айжемал!
Приходи ко мне, ты, Айджемал!

Отметим, что последнее слово первой строки (гөрмесем) в книге передано на латинице ошибочно в виде *gürmätäm*, которое получилось не только бессмысленным, оно не соответствует основному фонетическому закону туркменского языка – палатальной гармонии гласных.

Впервые автору этих строк повезло получить удовольствие, слушая эту песню в студенческие годы, в конце шестидесятых – начале

семидесятых годов прошлого столетия, в исполнении своей однокурсницы, активного участника художественной самодеятельности Огулбиби Бердиевой, которая приехала в Ашхабад из Марыйского вилайета (бывший уезд Мерв – Мары) и обучалась вместе с нами на факультете туркменской филологии Туркменского госуниверситета. Песня тогда состояла, кажется, из четырех куплетов, один из которых остался в моей памяти по сей день:

Мениң Айжемалым гыммат бахалы,
Моя Айджемал – высокой цены,
 Тылладандыр көвүшиниң нахалы,
Подкова ее туфли из золота,
 Инди якын гелди гелжек махалы,
Наступает уже время ее прихода,
 Шаңчырдап яныма гел сен, Айжемал!
Приходи ко мне ты со звонами
своих украшений, Айджемал!

Записи этой песни под названием «Айджемал» в исполнении Огулбиби Бердиевой и некоторых профессиональных вокалистов-бахши (исполнитель народных песен) марыйско-пендинского региона, в том числе под аккомпанемент туркменской флейты най (гаргы тюйдюк), хранятся в архивах Туркменского радио и Цент-

рального телевидения Туркменистана. Некоторые туркменские литераторы придерживаются мнения, согласно которому слова этой песни принадлежат одному из поэтов Балканского вилайета конца XIX – начала XX вв. (Байрам-шахиру?). Скорее всего, и слова, и музыка песни «Айджемал» являются народными (анонимными).

Куплет из песни под № 2 (185)

Агалар, дүшдүм бейле зындана,
О, старшие братья, попал я в такую темницу,
 Ачар ёкдур, килиди бар, ханым, билмедим,
Ключа нет, есть только замок, о, мой хан,
не знаю (что мне делать),
 Өзүм зындан ичинде болдум бикарар,
Сам (нахожусь) внутри темницы в отчаянии,
 Дост хайсы, душман хайсы, ханым, билмедим.
Кто мне друг, а кто враг, – о, мой хан, не знаю.

Лексема ханым (ее можно переводить не только как ‘мой хан’, но и как ‘моя госпожа’), присутствующая во второй и четвертой строках, не является элементом стихотворного текста, а

представляет собой приставку к песне исполнителем для достижения ее наибольшей созвучности. Одновременно она как обращение обеспечивает усиление внимания слушателей к песне.

Куплет из песен под №№ 3 и 6 (186)

Кадыр Мөвлам берсе ганат,
Если Всемогущий даст (дал) мне крылья,
 Учдум долаша-долаша, жан-а,
Я летал, путаясь и путаясь
(т.е. снова и снова), о, душенька,
 Учурдым тэзе гүллере, жан-а,
Отпустил на волю (птицу своей души)
по новым цветам, о, душенька,
 Гачар долаша-долаша.
Убегают (она), путаясь и путаясь
(т.е. снова и снова).

Художественная ценность строфы не высока. Как и в предыдущей строфе, в ней присутствует своеобразная песенная приставка: жан-а 'душенька'.

Куплет из песни под № 4 (187)

Отуранда, гулпагы ере дөкдүрен,
Когда она сидит, то ее косы достигают
(досл. льются) земли,
 Дуранда, гулпагы ярым билине уран,
Когда она стоит, то ее косы достигают
(досл. ударят) ровно талию,
 Өзи бир лачын кимин далым уруп дуран,
Сама в подобие ястреба стоит, тоскуя,
 Нирде мениң шах дилберим, гөрүнмез.
Где же моя шахиня-возлюбленная, не видно ее.

Для пояснения туркменского слова гулпак (gulpaq 'косы, волосы'), использованного в первой строке, Герберт Янский приводит без указания на какой-нибудь источник следующий куплет и утверждает, что он является словами одной песни:

Гара гулпакларың йүзүнде чөзгүн,
Твои черные косы (лежат) не сплетенными
в лице моем,
 Солгун гара гөзлер нечүйн сүзүлйэр?
Глаза твои блеклые, почему слипаются?
 Гөзүңе сүрме чек, гулпагыңы дара,
Глаза свои подводи сурьмой,
сплетай косы свои,
 Мундан артык салма багрыма яра!
Больше этого не наноси рану в мою печень.

В действительности это четверостишие является одной из строф стихотворных произведений туркменского поэта, прозаика и ученого Абдулхекима Кульмухаммедова (Abdylhekim Gulmuhammedow, 1885–1931), включенных в сборник его стихов, который был издан в 1926 г. в Ашхабаде под названием «Умыт ялкымлары» («Воспламеняющиеся надежды»). Здесь новым для нас является сведение Г. Янского о том, что имеется песня, сложенная на эти слова.

лом истории изучения туркменской национальной музыки европейскими специалистами 1928 г., ибо именно в том году в Москве был издан В.А. Успенским (1879–1949) первый том своего капитального двухтомного труда «Туркменская музыка», написанного им в соавторстве с В.М. Беляевым (1888–1968) на основе собранных полевых материалов, начиная с середины двадцатых годов прошлого столетия¹⁷. Теперь, когда точно стало известно, что Робертом Лахом еще в 1916 г. была произведена запись на фонографические пластинки, по меньшей мере, шести туркменских народных песен (хотя издание-тиражирование их нотных записей осуществлялось значительно позже),

Некоторые итоги и задачи на будущее

Музыковеды Туркменистана до последнего времени считали нача-

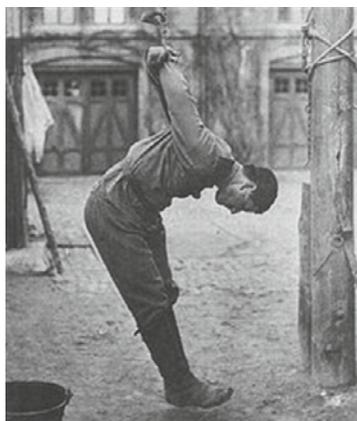
можно будет уточнить указанную выше дату, отодвинув ее хотя бы на несколько лет назад. Кроме того, ноту одной песни из туркменского героического эпоса «Кёроглы» Александр Ходзько (Alexander Chodzko, 1804–1891) включил в книгу своих английских переводов, изданную в Лондоне в 1842 г., а слова другой песни из этого же народного эпоса содержит книга путешествий сэра Александра Борнса (Sir Alexander Burnes, 1805–1841), которая была издана в том же городе еще в 1834 г.¹⁸. Это, во-первых.

Во-вторых, в соответствующем сайте Интернета вниманию пользователей представляется татарская песня «Заман» («Время») в исполнении Государственного фольклорного ансамбля Республики Татарстан, а на видео

(вначале) – старая грамофонная запись этой песни, исполненная татаринном в плену у немцев в ходе Первой мировой войны¹⁹. Это говорит о том, что наши ученые-музыковеды в сотрудничестве со своими австрийскими коллегами могут и должны находить в архивах звукозаписей этой страны все сохранившиеся национальные песни тюркских народов для использования их в новом исполнении, а также вести по ним конкретную исследовательскую работу. Восстановление на основе старых магнитных лент живого языка и голоса участников Первой мировой войны будет непреходящей памятью современных поколений о них и своеобразным символом склонения головы перед героизмом и мужеством своих дедов и прадедов.

Русские, захваченные под Танненбергом

Пытка военнопленного в австрийском лагере

Роберт Лакх

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Военнопленные Первой мировой войны // Цитируется по сайту в Интернете: [voynablog.ru/2012/04/12/voennoplennye-pervoj-mirovoj-vojny/](http://voynablog.ru/2012/04/12/voennoplennye- pervoj-mirovoj-vojny/) (28.02.2013) и др.

² См.: Новикова И.Н. Австро-венгерские и германские военнопленные на строительстве Мурманской железной дороги // Военно-исторический журнал, 2006, № 2.

³ Подробнее см.: Söyegov M. Sandarmoh'ta şehit olan üç Türkmen aydın // Türkmeneli Edebiyat ve Sanat Dergisi. Sayı: 37 Şubat. Kerkük/Irak, 2011. S. 14–20.

⁴ Латыпов Т. «Низко кланяемся дорогой земле Казанской» // Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-24631.htm> (01.03.2013).

⁵ Исхаков С. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // Татарский мир, 2004, № 15.

⁶ Söyegov M. Türkmenler ve İlk Dünya Savaşı // Türkmenistan'ın Bağımsızlığının Sekizinci Yılına Armağan. Aşgabat: UTTÜ, 1999. S. 1–19; Соегов М. Туркменский кавалерийский полк // Türkmen ylmý Galkynyş we halkara gatnaşyklar ýolunda (Ylmý makalalar ýygundy – 2011/3). Aşgabat: Ylym, 2011. S. 96–117.

⁷ См.: Туркмен Совет Энциклопедиясы. Т. 6. Ашгабат, 1984. – С. 327.

⁸ См.: Söyegov M. Sandarmoh'ta şehit olan üç Türkmen aydın. S. 14–20.

⁹ Более подробно см.: Соегов М. Туркменский писатель-белоэмигрант из Соединенных Штатов Мексики // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64). – № 3, ч.1. – С.259–266.

¹⁰ Lach R. Volksgesänge von Völkern Rußlands, II. Turktatarische Völker. Kasantatarische, mischärische, westsibirisch-tatarische, nogaitatarische, turkmenische, kirgisische und tscherkessisch-tatarische Gesänge. Transkription und Übersetzung von Herbert Jansky. Wien: Rudolf M. Rohrer, 1952. S. 5.

¹¹ См.: Какук Ж. Татарский материал Игнаца Куноша // Советская тюркология, 1987, № 3. – С.53–57.

¹² Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. II. Band: Turktatarische Völker. I. Abteilung: Krimtatarische Gesänge. Transkription und Übersetzung von Herbert Jansky. Wien und Leipzig: Hölder-Pichler-Tempsky A.-G., 1930. S. 5–76.

¹³ Lach R. Volksgesänge von Völkern Rußlands. S. 5–57, 92–165.

¹⁴ Гилязов И. «Германия воспринимает вас не как военнопленных, а как своих гостей». О книге Маргот Каляйс «Мусульмане в Бранденбурге – военнопленные в Первой мировой войне» // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2002, № 1/2.

¹⁵ Биринджи А. Халим Сабит Шибай // Научный Татарстан, 2012, № 4. – С. 51–56.

¹⁶ Lach R. Volksgesänge von Völkern Rußlands. S. 66–67, 176–178, 207.

¹⁷ См.: Гуллыев Ш. Туркменская музыка (наследие). Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1998.

¹⁸ См.: Söyegov M. Köroğlu Destanlarından Bazı Şiirlerin XIX. Yüzyılda Birleşik Krallık'ta ve ABD'de İncelenmesi (Yazarlar, Eserleri ve Tercümelere Hakkında Kısa Notlar) // Türk Halklarının Edebi Geçmişi: Türk Destanları. Uluslararası Sempozyum. Bakü, 2004. – S.14–23.

¹⁹ Первая мировая война... Песня пленных татарских солдат // Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.turkist.org/2012/09/tatar-alman.html> (28.02.2013).

Аннотация

На фоне ярких событий периода Первой мировой войны, происходивших с военнопленными противостоящих сторон, кратко описываются отдельные эпизоды боевых действий Туркменского конного полка и дальнейшие судьбы его командиров. Наиболее конкретно рассматриваются вопросы, связанные с работой некоторых западных музыковедов по грамофонной записи песен тюркских народов, у представителей которых были произведены эти записи в лагерях для военнопленных. Проводится анализ туркменских песен, записанных австрийским музыковедом Робертом Лахом в 1916 г.

в исполнении военнопленного-туркмена Реджепа Сары, который был родом из уезда Мерв (Мары) Закаспийской области (Туркменистан).

Ключевые слова: военнопленные, лагерь, народные песни, музыковед, граммофонные и нотные записи.

Summary

On the background of the brightest events of the First World War, which took place with the prisoners of the opposing sides, the individual episodes of fighting of Turkmen cavalry regiment and the fate of his commanders are described in brief. The author examines in detail the issues related to the work of some Western musicologists on a gramophone record of the songs of Turkic peoples, the representatives of which had these records in war camps. Turkmen songs are analyzed recorded by Austrian musicologist Robert Lach in 1916, performed by the prisoner-Turkmen Rejep Sara, who was born in the county of Merv (Mary), the Trans-Caspian region (Turkmenistan).

Keywords: prisoners, war camp, folk songs, music, gramophone records and musical notes.